ИМЯ, КОТОРОЕ ТЫ У МЕНЯ ЗАБРАЛ

АНДРЕЙ ШЕЛЕСТ

Андрей Шелест

Имя, которое ты у меня забрал

«Автор»
2026

Шелест А.

Имя, которое ты у меня забрал / А. Шелест — «Автор», 2026

Женщина у порога знает, как Андрей спит, чего боится и какими словами однажды попросил ее остаться. Он видит ее впервые. Она ждала его больше ста лет.Андрей реставрирует гипсовые лица и едва сводит концы с концами. После странной смерти бухгалтера ему начинают сниться чужие жизни. В одной он спасает детей из огня. В другой пытается уйти от женщины, которую любит. А на девятый день после смерти человека его близкие перестают узнавать лицо на фотографиях.Наталья обещает вернуть Андрею память. Но в ее рассказе не хватает самого главного: кто платил за каждую их встречу. Чтобы узнать правду, ему придется найти договор, переживший несколько его жизней, и решить, можно ли любить человека, которому больше не веришь.Мистический роман о памяти, вине и любви, которая не дает права владеть другим.

© Шелест А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек с чужими глазами 5
Глава 2. Девять дней 10
Глава 3. Женщина, которая знала дорогу 15
Глава 4. То, что остается 21
Глава 5. Дом на Ольховой улице 25
Глава 6. Письмо без конца 30
Глава 7. Дом четырнадцать 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Андрей Шелест
Имя, которое ты у меня забрал

Глава 1. Человек с чужими глазами

Заречье, ноябрь 2026 года

Первым о Сергее напомнил телефон.

Незнакомый номер звонил в четыре семнадцать. Андрей спал, положив мобильный экраном вниз, и пропустил вызов. Утром перезвонил. Абонент был недоступен. Такие звонки у него случались часто: люди находили страницу мастерской ночью, когда не спалось, а заказывали днем уже в другом месте.

Он налил кофе, открыл смету. За аренду оставалось внести двадцать восемь тысяч. Два клиента задерживали оплату. Фонд обещал закрыть прошлый месяц после сверки, но сверка почему-то никогда не заканчивалась раньше нового платежа за помещение.

Илья прислал сообщение: опоздаю на десять минут, автобус встал. Следом пришла накладная из похоронной службы.

Сергей. Тридцать восемь лет.

В примечании стояло: оплачивает фонд, родственники не присутствуют.

Андрей поморщился. Как раз из тех заказов, за которые потом приходится самому благодарить, что заплатили.

Его мастерская занимала первый этаж старого дома у реки. Здесь реставрировали гипсовые розетки, скульптуру, иногда лепили портреты на заказ. Погребальные маски составляли небольшую часть работы. В Заречье их почти никто уже не делал, пока фонд "Дом памяти" не запустил свою программу. Бесплатные похороны, помощь семье, сохранение голоса, письма, формы лица. Для рекламы обычно выбирали слово бережно.

На сайте фонда все выглядело достойно. На складе Андрея стояли шесть коробок, за которые еще не заплатили.

Он уже открыл переписку с бухгалтерией, когда снаружи хлопнула автомобильная дверь.

Белый фургон загородил въезд во двор. Один сотрудник похоронной службы тянул каталку, другой пытался одновременно держать створку и отвечать на звонок. Колесо застряло в щели у порога. Мужчина выругался, дернул сильнее и выбил кусок старой доски.

"Только пол не ломайте", сказал Андрей.

"Его уже до нас сломали".

"До вас он еще держался".

Они поставили каталку у окна. Один сразу отпустил, другой продолжал держаться за ручку и смотрел на закрытое лицо.

"Вы его знали?"

"Нет".

"Тогда можно отпускать".

Мужчина отнял руки. На запястье под ремешком часов осталась красная полоса.

"Воды нет?"

Андрей принес стакан. Тот выпил слишком быстро, вода потекла по подбородку. Поставил стакан мимо подставки, извинился и первым ушел к машине.

Напарник остался у сломанной доски.

"Это сколько с нас?"

"Доску принесете".

"Я не плотник".

"Зато я не ваш арендодатель. Посмотрите, что вы мне сделали".

Мужчина присел, потрогал край и нехотя кивнул. Понятная поломка явно нравилась ему больше, чем заказ, который он привез.

Андрей проверил документы. Разрешение на снятие маски, заказ фонда, согласованное время возврата тела. Справка прилагалась сканом. В строке об обстоятельствах писали о воде, без подробностей. Для него обычно хватало заказа и разрешения. Сегодня он задержался на дате.

Слишком быстро все оформили.

Может, только казалось. Он не работал в морге и не знал, кто кому звонил. Записал название службы, фамилию сопровождающего и сделал копию накладной. Затем убрал телефон в карман.

Илья вбежал через минуту, с мокрыми волосами, в расстегнутой куртке.

"Я написал".

"Видел. Руки помой".

Ученик поставил рюкзак под стол, включил рабочую лампу. В девятнадцать лет он еще не научился скрывать, что такие заказы действуют на него сильнее обычных. Андрей не торопил. Подождал, пока тот разложит полотна, и только тогда снял простыню.

Лицо было спокойное, немного осунувшееся. Волосы расчесали, но под правым ухом осталась темная корка. Правая щека отличалась от левой маленькой впадиной, будто человек привык прикусывать ее изнутри.

Андрей потянулся за полотенцем и замер.

Этот мужчина сидел у них на кухне.

Мокрая шапка на коленях. Мать велит повесить ее возле батареи, а он кивает и все равно не вешает. С шапки капает, под табуретом растет лужа. Мужчина раз за разом смотрит на дверь.

Андрей помнил это. Помнил, как мать передвинула сахарницу, освобождая гостю место. А ее лица не видел. На семейных фотографиях она оставалась человеком в знакомом платье, с нужным наклоном головы. Стоило закрыть снимок, и черты расплывались.

Тринадцать лет он не мог понять, почему помнит ее раздражение из-за мокрого пола, но не может представить, как она улыбается.

"Ты чего?" спросил Илья.

"Кажется, видел его раньше".

"Где?"

"Дома. Давно".

Андрей хотел достать телефон, найти номер из утреннего вызова, сравнить с накладной. Телефона Сергея в документах не было. Он оставил это до вечера. Сейчас важнее закончить работу и вернуть тело в согласованный срок.

Илья подал масло для формы. Андрей придержал подбородок и заметил блеск у нижней губы.

"Подожди".

Он взял деревянный шпатель, осторожно оттянул губу. Под языком лежал маленький медный диск. Без рисунка, без цифр. У края что-то темнело.

"Это что?"

"Не знаю. Сфотографируй, прежде чем тронем".

Илья сделал два снимка. Андрей записал время и поддел диск чистым шпателем. Зубы сухо щелкнули. Ученик отшатнулся и стукнул локтем по полке.

"Мышцы", напомнил Андрей. "Помнишь?"

"Помню".

Но у него самого дрогнула рука. На мгновение исчезли лампа, окно, светлый стол. Он оказался в узком помещении. Пахло сырой веревкой. Кто-то за спиной сказал, чтобы он не поднимал голову.

Илья снова спросил, куда поставить масло.

Андрей моргнул. Значит, потерял несколько секунд. Недосып, подумал он. Кофе вместо завтрака, работа до трех. Он уже однажды засыпал стоя в автобусе и не заметил, как проехал мост.

Медь положили в чистую стеклянную емкость, сделали еще один снимок. Андрей не знал, может ли это иметь значение, но чужую вещь просто выбрасывать не собирался.

Во двор вошла Мария с контейнером под мышкой. Сразу посмотрела на доску у двери.

"Я тебе месяц говорю, сделай порог".

"Вот видишь. Теперь уже придется".

"Когда-нибудь ты начнешь делать до того, как развалится".

Она поставила еду на свободный край. Илья потянул носом. Мария дала ему хлеб, велела не трогать рабочие предметы немытыми руками и открыла крышку контейнера.

В комнате сразу стало легче. Можно жаловаться на дождь, спорить о пороге, есть горячее, даже если в нескольких шагах лежит умерший.

Мария работала на реке. В сезон возила людей между двумя берегами, принимала заказы на короткие поездки, спорила с хозяином пристани из-за каждой лишней платы. До зимы оставалось немного, потом снова придется искать работу за рулем. Фонд был связан с ее арендодателем, поэтому заказы Андрея они дома обсуждали осторожнее, чем хотелось.

"Бухгалтера у них знаешь?" спросил Андрей.

"Которого?"

Он посторонился.

Мария посмотрела на лицо. Дольше, чем нужно было для простого узнавания. Потом потянула ремень сумки на плечо.

"Не знаю".

"Он к матери приходил. С мокрой шапкой".

"К ней многие приходили".

"Этот боялся".

"Андрей".

Илья перестал жевать. Сестра произнесла имя негромко, но так, будто они уже говорили об этом и он сам нарушил договоренность.

"Что?"

Мария посмотрела на камеру в углу мастерской. Она давно не работала: Андрей не продлил дешевую подписку. Он хотел сказать об этом, но промолчал.

"После зайду", сказала сестра. "Поешь сначала".

"Маша".

"После работы. Ладно?"

Она вышла, слишком крепко придерживая ручку. Снаружи завелся лодочный мотор, где-то на набережной сдавал назад грузовик. Илья осторожно спросил, сердится ли она. Андрей ответил, что не на него, и вернулся к столу.

Под правым ухом оказалась рана. Не царапина от ветки, не ссадина: узкий прокол, скрытый волосами. Андрей перестал готовить смесь. Сделал снимок, послал Павлу и сразу набрал его номер.

Врач был занят, ответил только через десять минут.

"Сам не трогай. Я свяжусь со службой. Снимки сохрани в оригинале".

"Мне сказали, утонул".

"Я по снимку этого не подтвержу. И по проколу тоже не скажу, почему умер. Но проверить надо".

Андрей передал название службы и время возврата. Потом сфотографировал документы. Работа перестала быть обычным заказом, хотя внешне ничего не изменилось.

Маску он все же закончил. До разрешенного возврата еще оставалось время, Павел успевал посмотреть. Андрей осторожно поправлял веки, укладывал тонкую ткань под запавшую щеку. Илья подал не ту полоску, мастер молча показал нужную.

"Он, наверное, разговорчивый был", сказал ученик.

"Почему?"

"Щеку кусал. У меня дядя так делал, когда слова не давали".

Андрей невольно улыбнулся.

На столе завибрировал телефон. Уведомление из банка: напоминали про аренду. Он смахнул его, запустил таймер для смеси и оперся ладонью о край формы, где темнела тонкая медная нить.

Глаза сами закрылись. Всего на миг.

"Андрей, только ей не отдавай".

Голос был совсем рядом. Сиплый, сухой, как после долгой болезни.

Он резко обернулся.

Илья мешал следующую порцию. На столе шли секунды. Губы умершего оставались закрыты, гипс спокойно сох. На белой поверхности проступала темная полоска, похожая на волосок от кисти.

"Ты сказал?"

Ученик покачал головой.

Андрей посмотрел на телефон. Экран уже погас. Потом на маленькую банку с диском. Крышка была закрыта.

Через час приехал Павел. Посмотрел на видимую рану, ничего не расширяя и не пытаясь заменить экспертизу. Связался с теми, кто оформлял тело, затем подал сообщение о подозрительном повреждении. Номер обращения прислал Андрею тут же, при нем. Возврат тела зафиксировали отдельно. Все, что нашли в мастерской, осталось на фотографиях и в записи, подписанной обоими.

Когда фургон уехал, Илья снял перчатки и долго мыл руки. Андрей не стал напоминать, что он уже вымыл. Сам сидел у выключенной лампы, пока не стемнело.

Мария не пришла.

Вместо нее курьер привез требование фонда вернуть медную деталь, по ошибке оставшуюся при заказе. Сверху номер договора, внизу печать с девятью петлями.

Андрей открыл первоначальную накладную. О меди ни слова.

"Кто сказал, что она у меня?"

Курьер был молодой, мокрый от дождя, с телефоном на последнем заряде.

"Мне дали пакет. Распишитесь или я отмечу отказ".

Андрей попросил сфотографировать пакет, принял и расписался только за получение. Курьер облегченно убежал к скутеру.

На листе было имя отправителя.

Борис Семенов.

В конце обещали приехать лично, если предмет не вернут до утра. Не полиция, не эксперт. Представители заказчика. Андрей еще раз проверил, что снимки отправились Павлу, и положил требование рядом с номером обращения.

Потом включил лампу и открыл банку.

У края диска оказалось два отверстия, забитых черной смесью. Через них когда-то шла проволока. Андрей повертел медь пинцетом и заметил на внутреннем крае крошечный изгиб, словно часть застежки.

От смеси пахло горелым хлебом.

Он не сразу понял, почему этот запах лишил его сил. Потом увидел старую кухню, обугленную стену, сестру, которая не пускает внутрь.

Так пахло в доме после пожара, в котором умерла мать.

Телефон снова загорелся. Незнакомый номер предлагал обратный вызов из списка пропущенных. Четыре семнадцать утра. Андрей долго смотрел на цифры, потом все-таки нажал.

Абонент по-прежнему был недоступен.

Глава 2. Девять дней

Мария открыла дверь не сразу.

Пока Андрей ждал на крыльце, в доме стихли шаги, затем послышался скрип тяжелого стула. Сестра отодвигала его от двери. Так она делала только зимой, когда с пристани возвращались пьяные грузчики и путали дома.

"Что случилось?" спросил он, едва увидев ее лицо.

"С тобой?"

"Ты не пришла".

"На перевозе задержалась".

Вода стекала с его волос на воротник. Мария велела снять ботинки, иначе весь коврик придется выжимать. На кухне было жарко: чайник, батарея под окном, включенная духовка. Возле книги лежали очки. Андрей не помнил, чтобы сестра носила очки.

"Чьи?"

"Пассажир оставил".

Она убрала книгу вместе с очками, не давая ему рассмотреть переплет. Потом достала кружку и налила горячей воды, будто он пришел жаловаться на простуду.

Андрей положил на стол медный кружок.

Мария замерла с чайником в руке. Струя ударила мимо кружки, побежала между досками. Он отнял чайник и поставил на плиту.

"Теперь рассказывай".

"Где взял?"

"У Сергея под языком".

Она села. Не на свой стул возле окна, а на табурет, где обычно оставляли корзины.

"Тебе надо вернуть его".

"Зачем?"

"Чтобы они отстали".

"Кто они?"

Мария молчала. Андрей подвинул ей сухую тряпку. Она начала вытирать стол, несколько раз прошла по одному месту, хотя вода давно впиталась.

"Сегодня покойник назвал меня по имени", сказал Андрей.

Сестра подняла голову.

"Я знал, что ты сейчас так посмотришь. Поэтому и пришел. Я работаю с мертвыми двенадцать лет. Со мной ничего подобного не бывало".

Мария прижала тряпку ладонью.

"Бывало".

Он хотел возразить и не смог. Она сказала это без всякого нажима, с усталостью человека, которому давно надоело быть единственным свидетелем.

С улицы донесся кашель. Под окном прошла соседка, постучала каблуком о ступеньку, стряхивая грязь. Мария дождалась, пока та свернет за угол.

"После матери ты три ночи не спал. Все говорил, что в печной трубе кто-то дышит. Я звала врача. Он дал тебе макового отвара. Потом ты перестал".

Андрей помнил отвар. Помнил горечь, теплую руку на затылке, миску, в которую его вырвало. Он считал, что заболел от сырости после похорон.

"Я был маленький".

"Тебе было шестнадцать".

В кухне вдруг стало тесно. Андрей отодвинул кружку. Вода обжигала пальцы сквозь глину.

"Ты никогда не рассказывала".

"А о чем? Что я боялась заснуть, пока ты стоял у холодной печи и разговаривал с кирпичами?"

"О том, что я не помню".

Мария убрала волосы за ухо. На виске у нее обнаружилась новая седая прядь. Андрей заметил ее только сейчас.

"Ты помнишь достаточно. Больше, чем полезно".

Мария сидела, все еще прижимая тряпку к столу. Тогда ей было двадцать два. У Андрея в этом возрасте даже ученик не удержался: он испугался ответственности и отказал мальчишке. А сестре никто не предлагал отказаться. Ей оставили пустой дом, больного брата и велели как-нибудь жить дальше. Он осторожно забрал мокрую тряпку из ее руки.

Андрей придвинулся ближе.

"Маша. Мне нужно понять, что происходит".

Мария закрыла глаза. Когда открыла, спросила, сохранил ли он исходные фотографии и записал ли имя Сергея от руки.

"Фото уже у Павла. Имя в блокноте".

"Конечно".

"На девятый день посмотришь".

"Я знаю, что будет с именем".

"Посмотришь не на имя. На рисунок возле него".

Он вспомнил маленький кружок, которым отметил прокол под ухом.

"Откуда ты знаешь про рисунок?"

"Мать так делала".

Мария встала, проверила засов, хотя они оба только что слышали, как он лег в паз. Затем откинула край половика и вытащила из щели между досками деревянную коробочку.

Внутри лежала костяная пуговица, кусок синей ленты и маленькая перчатка. Андрей узнавал эти вещи, но не мог бы сказать, кому принадлежала перчатка. Она была слишком мала для матери и слишком велика для ребенка.

Мария достала четвертый предмет. Сложенный в несколько раз лист, протертый на сгибах почти до прозрачности.

"Я обещала отдать тебе, если опять начнется".

Бумага была плотная, дорогая. Мать такую не покупала. Внизу сохранилось пятно от кружки. Андрей провел пальцем по краю и развернул лист.

На нем было три строки.

"Сын мой, если тебя снова позовут ночью, не отвечай первым. Сначала спроси, чье лицо ты видишь. И никогда не отдавай свое имя за того, кого боишься потерять".

Подпись исчезла.

Так исчезли подписи на нескольких материнских письмах. Андрей когда-то считал, что выгорели чернила, пока не нашел снимок того же листа, сделанный раньше. На снимке слово еще было, на бумаге нет. Сейчас он узнал почерк по остальным строкам. Мать писала тесно, словно всегда боялась не успеть договорить.

Он читал записку снова и снова.

"Она знала?"

Мария кивнула.

"Что именно?"

"Я не знаю".

"К ней приходил Сергей?"

"Да".

"Зачем?"

"Они разговаривали без меня. Я приходила с пристани и заставала их над счетными книгами. Мать говорила, что помогает одной вдове найти запись о наследстве".

Андрей поднял глаза.

"Мать не умела считать сложнее арендной платы".

"Вот именно".

Они посидели молча. На плите шипела упавшая капля. Андрей вдруг вспомнил, как мать делила пирог на неравные куски и меньший всегда доставался ей. Он помнил несправедливость, которую тогда принимал как естественную вещь. А лица не помнил. Не мог бы описать даже цвет ее глаз.

Куратор семейной программы объяснял: забывание защищает. Надо отпустить, нельзя держать умершего возле себя фотографиями. Андрей тогда был подростком, ему хотелось поверить взрослому, который говорил спокойно. Потом прочел про травму и понял, что у людей не бывает одинакового горя по расписанию. Но на встречах фонда в ответ только спрашивали, зачем он сопротивляется помощи.

Он открыл на телефоне тот старый снимок записки. Приблизил пустое место возле подписи. Облачная копия не помогала услышать материнский голос. Документы вообще многое знали за него. В свидетельстве было имя, а в голове после чтения оставались чужие буквы.

"Ты видела мать во сне после девятого дня?" спросил он.

Мария покачала головой.

"Иногда снится, что она вернулась. Я слышу ключ, знаю, что сейчас войдет. И просыпаюсь раньше".

Он сложил записку.

"Можно я возьму?"

Сестра кивнула, но удержала его руку.

"Не ходи к ним один".

"Я еще никуда не собирался".

"Собираешься. Я тебя знаю".

Она проводила его до порога. На прощание хотела что-то добавить, передумала и поправила ворот его пальто. Андрей вдруг понял, как давно никто не делал этого так просто, без причины.

Дома Илья спал на раскладном диване у обогревателя. Андрей снял с края дивана его рюкзак, накрыл пледом. Телефон ученика стоял на зарядке, на экране светился ответ матери: выспись хоть, завтра на занятия. Андрей вымыл забытую кисть, проверил замок и поднялся в маленькую комнату над мастерской.

Маску Сергея он взял с собой.

Ставить ее рядом с постелью казалось глупостью. Оставлять внизу почему-то было страшнее.

Перед сном Андрей вынул записку, прочитал еще раз. Лампа тихо гудела, и от чернил, которым было больше десяти лет, пахло нагретой бумагой. Он положил лист под книгу и выключил свет.

Ему приснилась веревка.

Веревка лежала между руками. На одном конце сидела муха. Андрей удивился, откуда она в такую стужу, затем заметил теплую решетку вентиляции. Комната пахла пылью, мокрым волокном и перегретым воздухом. В верхнем окне горел белый свет, слишком ровный для утра.

За узким окном горела лампа в проходе.

За столом сидел Сергей. Живой. Во рту у него еще не было медного кружка, а на щеке вздрагивала та самая впадина. Он смотрел чуть левее Андрея, на человека, которого отсюда не было видно.

"Я ничего не брал", говорил бухгалтер.

Андрей почувствовал, как правая рука поднимается. На ней была чужая перчатка, жесткая возле большого пальца. Он захотел опустить руку и не смог.

Сергей посмотрел прямо на него.

"Ты ведь помнишь, как ее звали?"

Кто-то позади коротко выдохнул. Тот, кто стоял рядом, запахнул рукав и потянулся через стол. Андрей увидел нож. Не весь, только узкую светлую полоску возле уха Сергея.

Бухгалтер зажмурился.

Затем в окно ударил колокол.

Андрей проснулся от собственного голоса. Сидел на кровати, обхватив руками шею. Сердце колотилось так сильно, что боль отдавала в зубах.

В комнате было темно. Дождь шел по крыше привычным, ровным шорохом. Внизу Илья перевернулся на скамье и что-то пробормотал.

Андрей долго не мог решиться включить лампу.

Когда включил свет, первым делом посмотрел на руки. Ни перчатки, ни ножа. Гипс у ногтя, царапина от работы. Он открыл диктофон, который оставил писать возле маски: дыхание, шорох одежды, скрип стула. Голос Сергея туда не попал. Андрей сохранил файл, даже этот бесполезный. Потом пошел записывать сон.

Маска стояла на сундуке. Отблеск лампы лежал на ее щеке, точно под кожей еще держалось тепло.

Андрей взял тетрадь заказов и нарисовал стол, окно, веревку. На обороте записки не хватило бы места, а искать другую бумагу он боялся: стоило отойти от света, и сон мог развалиться.

Он рисовал старательно, как когда-то в ученичестве, когда мастер заставлял воспроизводить с памяти лица покупателей. У Сергея был короткий широкий нос. У окна щеколда смотрела вниз, хотя обычно такие щеколды ставили наоборот. На столешнице возле локтя лежала полоса черного воска.

И еще одно.

Андрей долго сидел над последней деталью. Потом нарисовал свою руку из сна. Точнее, руку, которой во сне считал своей.

У него на правом мизинце когда-то сросся перелом, и палец не разгибался до конца. В перчатке из сна мизинец был прямой.

Значит, он видел чужими глазами.

От облегчения стало дурно. Он наклонился и несколько раз глубоко вдохнул, как учила Мария, когда его укачивало в детстве.

За дверью послышались шаги.

Андрей поднял голову.

Кто-то остановился возле мастерской, прошел вдоль стены. Коснулся ставни. Под деревянной створкой скользнула тонкая полоска света и тут же исчезла.

Потом на крыльце скрипнула доска.

В дверь постучали.

Не громко, как стучат в чужой дом ночью. Три раза с короткой паузой между вторым и третьим.

Андрей знал этот стук. Откуда, вспомнить не сумел.

Снизу сонно спросил Илья:

"Кто там?"

Женский голос ответил:

"Мне нужен хозяин. Скажите ему, что пришла Наталья".

Андрей встал. Руки уже не дрожали, зато ноги вдруг стали тяжелыми, будто ему предстояло идти по речному дну.

Он не знал ни одной Натальи.
И все же, услышав это имя, едва не заплакал.

Глава 3. Женщина, которая знала дорогу

Наталья стояла под козырьком в мокром темном пальто. Одной рукой держала телефон, другой придерживала ворот у горла. Зонт был сложен, вода стекала с него в старую трещину у порога. На экране вспыхнул заказ такси. Она отменила его, прежде чем Андрей успел заговорить.

Андрей заметил сперва эту руку. Длинные пальцы, короткие ногти, маленький белый шрам у основания большого пальца. Подумал почему-то, что ладонь у нее теплая. Потом поднял глаза и понял, что ошибся. Лицо женщины было таким спокойным, словно именно она открыла дверь, а он пришел к ней среди ночи.

"Вы Андрей?"

Он кивнул.

Наталья посмотрела за его плечо. Илья стоял внизу лестницы, кутаясь в одеяло. Из-под него торчала одна босая ступня.

"Мне нужно с вами поговорить".

"В администрации не знают, который час?"

Она чуть повернула голову.

"Почему вы решили, что я из администрации?"

"Потому что других гостей сегодня не жду".

Женщина посмотрела ему в лицо внимательнее. Потом произнесла:

"Сергей успел вам что-нибудь сказать?"

Андрей держал дверь обеими руками. Не для того, чтобы не впустить ее. Чтобы было за что держаться.

Он велел Илье идти наверх. Ученик хотел возразить, но женщина обернулась к нему, и он передумал. Забрал со скамьи второй башмак, прижал одеяло локтем и начал подниматься по лестнице. На третьей ступени остановился.

"Я не сплю", сообщил он Андрею.

"Знаю".

Когда наверху скрипнула кровать, Наталья переступила порог. В мастерской было прохладнее, чем снаружи: Андрей опять забыл поднять температуру на обогревателе. Она положила телефон на стол и потянулась к полке слева от двери.

"Там была тряпка", сказала она прежде, чем Андрей успел спросить.

На полке действительно лежала ветошь. Под ней обычно хранился запас чистых полотен, но Андрей передвинул его еще зимой. Никто из посетителей туда не заглядывал.

Наталья вытерла руки, огляделась. Ее взгляд остановился на скамье Ильи, на фартуке, который тот повесил поверх стула, на хлебной крошке у ножки стола. Он незаметно сдвинул грязную тряпку под край стола. Потом рассердился на себя: с какой стати ему стесняться перед ночной гостьей?

"Вы уже бывали здесь?"

"Много лет назад".

"У моего учителя?"

"В том числе".

Он подвинул ей табурет. Она села не сразу, провела пальцами по спинке старого кресла у окна. На дереве оставалась глубокая царапина. Андрей сделал ее в первую неделю ученичества, когда переносил кресло по просьбе мастера и зацепил ножкой выступающий гвоздь.

"Он до сих пор у вас", сказала Наталья.

"Мастер умер семь лет назад".

"Я про кресло".

Она поправила себя слишком быстро. Андрей заметил это, но не понял, в чем именно состояла оговорка.

Он включил настольную лампу.

При новом свете женщина показалась моложе. Лет тридцать, возможно, чуть больше. Волосы, выбившиеся из-под капюшона, были темные, почти черные, и у левого виска прилипла к коже короткая мокрая прядь. Ему захотелось убрать ее. Он отвел глаза к чашке с медным кружком.

Наталья тоже посмотрела туда.

"Не трогайте ее голыми руками".

"Уже трогал".

"Долго?"

"Настолько, чтобы не умереть".

"Вы не умрете от прикосновения".

Значит, от прикосновения с ним могло случиться что-то другое. Наталья смотрела спокойно, но Андрей заметил, как она подалась к столу, заслоняя чашку от его руки.

Андрей взял кружок через тряпку и положил перед ней.

"Это принадлежит вам?"

"Нет".

"Тогда почему вы пришли?"

"Чтобы забрать маску".

Он отодвинул чашку.

"Имеете право?"

Наталья достала из сумки доверенность от фонда и положила рядом небольшой медный круг. Именно круг Андрей заметил первым. Похожий знак уже был на курьерском требовании, только здесь оставили разрыв.

"Это личное", сказала она, заметив его взгляд. "А по форме вот документы".

Доверенность разрешала получать оплаченные фондом формы и материалы. Не чужие личные вещи и не все, на что укажет предъявительница. Подпись Бориса Семенова, номер, срок. Андрей нашел тот же номер в своем договоре и сделал снимок, спросив разрешения. Наталья не возражала.

"Форма еще не оплачена. И по находке уже подано сообщение. Отдать ее вам просто так я не могу".

Наталья посмотрела на него. Уголок ее рта дрогнул, но улыбки не получилось.

"Сколько?"

Он назвал втрое больше обычного.

Наталья разблокировала телефон.

"Номер для перевода тот, что на странице мастерской?"

Она не стала торговаться. Андрей увидел сумму, которую успела набрать, и сам остановил ее руку, не касаясь экрана.

Денег хватило бы закрыть аренду. Он только что сам назвал эту цену, а теперь не хотел видеть банковское подтверждение. Если возьмет, потом придется объяснять, за что. Наталья погасила экран. Они оба знали, что дело больше не в оплате.

"Андрей, послушайте. Если за этой вещью придет другой человек, вам будет трудно отказать".

"Например, тот, кто приказал вложить Сергею монету в рот?"

Она на миг перестала дышать.

Теперь он был уверен, что попал в цель.

"Не произносите его имени громко", сказала Наталья.

"Сергея?"

"Человека, которого вы подозреваете".

"Я пока никого не подозреваю. Я задаю вопросы".

Она убрала телефон. На столе осталось мокрое пятно от рукава. Андрей пододвинул полотенце, стараясь не смотреть, как она сжимает пальцы.

"Вы видели сон".

Он молчал.

"Светлое помещение. Стол. Веревка".

Андрей почувствовал, как желудок сжался. Комната во сне была узкой и темной возле пола, но окно светилось так ярко, что он почти не видел стен. Наталья назвала только то, что могло быть известно любому присутствовавшему там человеку.

"Вы были рядом?"

"Нет".

"Откуда тогда знаете?"

"Потому что Сергей хотел, чтобы я нашла его раньше, чем найдут люди Бориса".

Он вспомнил подпись на разрешении.

Наталья проследила за его взглядом.

"Удостоверение настоящее. Причина, по которой мне его выдали, к этой ночи отношения не имеет".

"Очень удобно".

Она приняла насмешку спокойно. Слишком спокойно для человека, которого незнакомый мастер обвиняет во лжи.

"Вы думаете, что видели себя", сказала она. "Так бывает вначале. Особенно когда отпечаток сильнее собственных воспоминаний".

Андрей невольно спрятал правую руку под стол. Наталья заметила движение.

"Убийца был правшой?"

"Вы сами скажите".

"Я не знаю".

"Ничего вы не знаете".

"Меньше, чем вы думаете".

Впервые за весь разговор голос ее изменился. Ненадолго, на одном слове, но Андрей услышал усталость. Не ту, от которой хочется лечь спать. Так говорят люди, которым приходится стоять на ногах, хотя тело давно перестало слушаться.

Он посмотрел на нее без прежней враждебности. На пальто у плеча шов разошелся от воды. Кожаные перчатки в ее руке были потерты на пальцах. Ни драгоценностей, ни придворных кружев. Только тонкая цепочка у горла, уходящая под ткань.

"Вы мерзнете".

Она удивилась. Не сильно, но по-настоящему.

"Немного".

Андрей прибавил температуру на обогревателе. Вентилятор загудел сильнее. За его спиной Наталья сделала долгий, осторожный вдох, словно до этого не разрешала себе дышать. Он не обернулся. Указатель на регуляторе уже дошел до конца, а палец все еще пытался повернуть дальше.

Он принес ей теплую воду.

Наталья взяла кружку обеими руками. Левый большой палец лег поверх ободка, прикрыв трещину, которую не было видно с ее стороны.

"Откуда вы знаете, что здесь трещина?"

Она посмотрела на палец. Убрала его.

"Почувствовала".

"Через глазурь?"

"Вы всегда замечаете такие вещи?"

"Когда у меня пытаются купить маску убитого человека, да".

Она поставила кружку и оглянулась на лестницу.

Андрей прислушался. Илья наверху перестал ворочаться. Шумел только обогреватель, иногда откликался холодильник в маленькой кухне. Голос, который он слышал днем, ни один из этих звуков не напоминал.

"Я не продам ее вам", сказал он.

"Знаю".

"Тогда зачем пришли?"

Наталья долго смотрела на него. Потом вынула из кожаного футляра еще один предмет, завернутый в мягкую ткань. Развернула.

На ладони лежал обломок белой маски. Часть щеки, угол рта, нижний край носа. Материал пожелтел, в трещинах набилась черная пыль. По краю шла тонкая медная нить, вплавленная в слепок при отливке.

Андрей наклонился. Мастерская работа была старая и грубая. Такую смесь перестали делать еще до его рождения: она плохо держала влагу и слишком быстро крошилась. Но изгиб рта был точен до невозможности.

Наталья положила обломок возле его руки.

"Я могу оставить это на одну ночь. Утром заберу".

"Чья маска?"

"Сначала посмотрите сами".

Он вспомнил записку матери.

"Нет. Вы скажете, чье лицо я увижу".

Наталья очень медленно подняла глаза.

Ее спокойствие исчезло. Она смотрела на Андрея так, будто он только что произнес чужой пароль, который давно считался утраченным.

"Кто вас этому научил?"

"Я спросил первым".

Она закрыла обломок тканью.

"Человека звали Алексей. Он умер до того, как вы родились".

"Кем он вам приходился?"

На этот вопрос Наталья ответила не сразу.

"Мужем".

Слово легло между ними неловко, слишком обыденно для ночного разговора о мертвых. Андрей почувствовал, что разочарован, и это было настолько нелепо, что он рассердился еще сильнее.

"Маска выглядит старше вас".

"Да".

"Насколько?"

"Утром вы зададите другие вопросы".

Наталья встала, застегнула еще влажное пальто. Попросила не встречаться с охраной одному и сперва звонить Павлу.

"В полицию уже сообщили", сказал Андрей.

"Хорошо. Только и им говорите, что знаете. Не то, чем вас будут пугать".

Он указал на доверенность, забытую на столе.

"Подписано тем же человеком".

Она забрала бумагу.

"Поэтому я не прошу верить мне на слово".

Дверь закрылась. Андрей еще несколько секунд смотрел на полоску воды, оставленную ее подолом. Затем поднял чашку, из которой она пила, и отнес к тазу.

Кружка была еще теплая.

Он вымыл ее слишком тщательно, сам не понимая зачем.

Илья спустился, когда шаги на улице давно стихли.

"Ты все слышал?" спросил Андрей.

"Почти".

Ученик подошел к столу. Не тронул сверток, только наклонился ближе.

"Она сказала, муж?"

"Да".

"А чего тогда так на тебя смотрела?"

Андрей не ответил.

Он убрал маску Сергея в ящик и запер. Обломок оставил на столе. Потом долго сидел перед ним, пытаясь решить, что страшнее: увидеть еще один сон или больше ничего не увидеть.

Под утро он все-таки взял обломок в руки.

Материал оказался сухим и легким. Медная нить холодила подушечку пальца. На внутренней стороне сохранилось углубление от узелка, которым мастер стянул края ткани, чтобы смесь не вытекала.

Андрей вспомнил, как Наталья держала кружку. Как разошелся шов у нее на плече. Как она удивилась, когда он сказал, что она мерзнет.

Ни один из этих образов не имел отношения к обломку. И все же, едва он закрыл глаза, они соединились.

Он стоял у окна в летней рубашке.

За спиной кто-то двигал мебель. По полу тянуло свежеструганным деревом, нагретым маслом и тем особенным сухим запахом, который появляется в доме, когда в нем впервые топят печь.

"Не оборачивайся", сказала женщина.

Андрей узнал ее голос.

Он во сне улыбнулся. Хотел ответить что-то дерзкое и ласковое, слова уже поднимались к губам, когда теплые ладони закрыли ему глаза.

Наталья прижалась щекой к его плечу.

"Ну как?"

Он взял ее за запястье. Почувствовал пульс под большим пальцем. Очень быстрый, хотя она стояла спокойно.

"Ты опять переставила все без меня".

"Теперь здесь есть место для твоего стола".

Она отняла руки.

В комнате действительно стоял рабочий стол. У окна, чтобы свет падал слева. Рядом было кресло с высокой спинкой. Новое, без единой царапины.

Андрей знал это кресло.

Сон оборвался, будто выключили свет. Андрей очнулся на стуле, с обломком в ладони. Окно серело, телефон показывал половину седьмого. Обогреватель сам перешел в тихий режим. Наталья уехала, а тепло ее руки еще казалось настоящим.

На секунду ему показалось, что Наталья стоит за спиной.

Он обернулся так резко, что ударился коленом о стол.

Кресло было пусто.

На спинке белела старая царапина.

Глава 4. То, что остается

Павел принимал в обычной частной клинике возле автобусной остановки. На двери висел список услуг, в холле шумел автомат с кофе. Андрей хотел купить воды, но терминал второй раз отказался принять карту. Тогда он просто сел и стал ждать.

В приемной женщина объясняла мальчику, почему нельзя открывать все бахилы подряд. Старик возле окна показывал медсестре фотографию банки с пиявками.

"Соседу помогает".

"Врач посмотрит, потом решите".

"Вы все так говорите".

Обычная жизнь, немного обидная своей устойчивостью. За ночь Андрей успел увидеть чужую комнату и прикосновение чужой жены, а здесь все еще спорили, чем лечить колени.

Павел вышел сам, кивнул на кабинет.

"Тебе кофе не надо. И так видно".

"Я и не покупал".

"Вот и хорошо".

Он закрыл дверь, уточнил, с чем Андрей пришел. Не предложил немедленно успокоительное. Спросил, сколько спал, ел ли, не ударялся ли головой, не принимает ли чего нового. Андрей отвечал, все время поглядывая на собственный телефон.

"Вчера уже сообщал. Про рану", сказал врач. "У тебя копия есть. Приедут за пояснениями, говоришь ровно то, что видел. Ни больше, ни меньше".

"Ты думаешь, его убили?"

"Я думаю, что рану надо проверить. Причину смерти устанавливаю не я. Снимок такого ответа не дает".

Андрей кивнул. Честное ограничение сейчас помогало больше уверенности.

Павел еще раз открыл фотографию диска.

"По документам его отдают на экспертизу, если потребуют. Пока никому из фонда в руки не отдавай. Пусть пишут, что именно хотят получить. Бумагу курьера тоже сохрани".

"Я не из-за этого не спал".

Врач положил телефон экраном вниз.

"Тогда рассказывай".

Андрей рассказал про голос, комнату с веревкой, руку в перчатке. Про мизинец, который был прямым, хотя у него самого не разгибался. О Наталье сказал не все. Почему-то ее имя произнести было труднее, чем признаться, что слышал умершего.

Павел слушал, иногда просил вернуться к детали. Было ли это при закрытых глазах? Держал ли Андрей форму? Мог ли увидеть комнату прежде? Что случилось сразу после пробуждения?

"Ты мне не веришь?"

"Я верю, что тебе страшно. И что ты видел то, о чем рассказываешь. Откуда оно взялось, пока не знаю".

Он взял с полки небольшую модель черепа, задумался и поставил обратно.

"Ты ведь реставратор. Если тебе приносят трещину, ты не говоришь сразу: дом снесут. Сначала смотришь, откуда пошла. Я тоже так".

Андрей впервые за утро усмехнулся.

Они познакомились два года назад, когда Павел приехал в Заречье с женой. Планировали несколько месяцев поработать и вернуться. Потом Ольга тяжело заболела, умерла. Павел остался. Андрей делал для него памятную форму по программе фонда и знал, как мало народу пришло на прощание.

У врача на полке стояла фотография. Женщина у окна, чашка в руках, немного недовольный взгляд в камеру. На рукаве большая светлая нитка. Так снимают дома, не готовясь к снимку.

Андрей задержался возле нее.

"Это жена?"

"Да".

"У тебя сохранился оригинал?"

"Конечно. В телефоне, в копиях. А что?"

Павел достал мобильный, открыл альбом. Та же женщина на вокзале. На берегу. На кухне, где еще не закончили ремонт. Лицо было везде. Андрей мог описать его, пока смотрел. Закрыл глаза, пытаясь удержать линию губ, и почувствовал знакомую пустоту.

Он сел обратно.

"Как ее звали?"

Павел нахмурился.

"Ольга".

Имя прозвучало так легко, что Андрей почти обиделся.

"Ты помнишь? Не читаешь где-то, а помнишь?"

"Андрей, это моя жена".

Он подождал. Потом тихо спросил, что происходит.

Андрей достал свой телефон. Долго искал папку с фотографиями матери. Сам ставил ей простое название, без имени, потому что имя годами не держалось. Открыл скан старой фотографии. Мать сидит, он стоит рядом, Мария протягивает что-то за край кадра.

"Смотри. Я знаю, что это она. Могу сейчас описать. Вот рука, вот щека. Закрою, и уже нет. Сколько раз пытался".

Он заблокировал экран. Павел не перебивал.

"Я помню, как она злилась из-за мокрых сапог. Как просила не есть сразу весь хлеб. Но если ты спросишь, на кого она похожа, я тебе не скажу. Если во сне подходит женщина, я просыпаюсь раньше, чем посмотрю в лицо".

Лекарь перестал крутить ручку.

"После пожара?"

"После девятого дня. Потом я узнал, что у других в программе бывает так же. В фонде объясняли горем. Что мозг сам защищает. Дали ссылку на какие-то занятия. Я не пошел".

Андрей помедлил.

"Это ведь не защита, Павел. Я читал. При травме память меняется по-разному. Не у всех ровно на девятый день. И сестра так же. Мы все думали, другому легче, потому и молчим".

Он не рассказывал этого никому так подробно. Теперь услышал собственные слова и понял, как давно собирал их.

Павел попросил разрешения посмотреть его фотографию. Увеличил лицо, проверил, нет ли следов обработки на исходном скане. Сказал, что изображение не исчезло. То, что Андрей видит на экране, видит и он.

"Значит, файлы не испорчены. Я не могу по фотографии решить, что случилось с твоей памятью. Но одинаковый срок у разных людей стоит проверять отдельно".

"Ты в программе участвовал?"

"Нет. Мне предлагали, я отказался. За маску просто заплатил. Никаких общих согласий не подписывал".

"И воду не пил?"

Павел посмотрел на него.

"Какую воду?"

Андрей объяснил. В фонде семейное участие всегда начинали одинаково: приходишь, называешь себя, подписываешь форму, пьешь из небольшой чашки. Называют встречей памяти. Кто-то смеется над ритуалом, кто-то благодарит за внимание. Мать когда-то включила в семейный договор обоих детей. Андрей узнал об этом уже после ее смерти. Когда начал получать заказы, ему снова предложили подтвердить связь с программой. Он подписал, не дочитав.

Павел медленно отодвинул телефон.

"Я на такую встречу не ходил. Ольга тоже".

На минуту в кабинете стало очень тихо. Из коридора доносился голос администратора, которая объясняла кому-то, как проехать от остановки.

Андрей снова посмотрел на фотографию Ольги. Лицо не было размытым, черты оставались на месте. Его собственная память просто не хотела их удерживать.

"Можно подпись? У тебя письма от нее есть?"

"Переписка".

"И обычные? Ручкой".

Павел немного помолчал, потом открыл ящик. Достал открытку с морем. Не отдал, только повернул нижним краем.

"Твоя Ольга".

Чернила не выцвели.

Подпись матери в бумажной записке исчезла. На странице, которую он держал ночью, осталось чистое место. Здесь были буквы, обычные буквы, написанные человеком, который умер два года назад.

Он попросил Павла написать имя отдельно. Врач написал, дату тоже. Андрей прочел. Переписал рядом сам. Обе записи пока оставались.

"Я думал, это у меня одного", сказал он.

"Ты только что сказал про сестру".

"Знал. Но все равно думал, что со мной что-то не так. Что я ее недостаточно любил. Дурацкая мысль, я понимаю".

Павел покачал головой.

"Не дурацкая. Очень тяжелая. Только она ничего не доказывает про твою любовь".

Андрей отвернулся. Больше всего хотелось, чтобы врач не заметил, как ему нужно было это услышать.

Прошло несколько минут. Павел не пытался заполнить их вопросами. Потом взял чистый лист и записал, что они проверят: личную историю участия в программе, другие похожие случаи, независимые записи. Не поставил диагноз и не назвал фонд причиной всех болезней. Попросил пока не испытывать слепки на других людях.

"И на себе один не испытывай. Хотя ты уже решил, что будешь".

Андрей посмотрел на него.

"Я могу зайти вечером. Или позовешь меня".

Телефон врача завибрировал. Следующий пациент. Павел ответил, сказал, что выйдет через минуту, и убрал мобильный.

"Еще одно. Если тебе начнут присылать голос матери, не верь только потому, что похож. Сейчас сделать похожий голос легче, чем убедить живого, что он не виноват. Проверяй то, чего в записи не было".

Андрей вспомнил Сергея, прямой мизинец, перевернутую щеколду. Проверяемые вещи. Они помогали держаться лучше любых уверений.

На улице закончился дождь. У аптеки разгружали коробки, курьер злился, что поставили машину поперек. Из окна кофейни тянуло теплым тестом. Андрей по привычке достал телефон посмотреть дорогу, хотя шел здесь много раз, и заметил сообщение из фонда.

Напоминали о сроке передачи формы.

Павел прочел с его разрешения, ничего не ответил за него.

"Сначала скопируй. Потом решишь".

Они дошли до набережной вместе. Над старой водонапорной башней виднелся циферблат, который фонд когда-то восстановил к открытию музейного корпуса. Часы отбили девять. Андрей привык к этому звуку с детства.

Сегодня ему показалось, что низкий отзвук идет не сверху, а из-под тротуара.

Павел тоже остановился.

"Почувствовал?" спросил Андрей.

Врач кивнул.

Под ногами еще дрожало, хотя последний удар уже стих.

Глава 5. Дом на Ольховой улице

В мастерской пахло супом.

Илья разогревал суп в микроволновке, время от времени поглядывая на часы. Когда открылась дверь, он обернулся с таким облегчением, что Андрей сразу посмотрел на запертый ящик с формой. Ящик стоял там, где оставили.

Ящик был на месте.

Наталья сидела за столом. Без пальто. От этого она выглядела домашней, почти неуместной возле слепков, сохнувших на стене. Перед ней стояла кружка с трещиной.

"Я ее впустил", сказал Илья. "Она сказала, вы договорились".

"Мы договорились, что она придет утром".

"Ну так утро".

Наталья смотрела на Андрея. Он вдруг вспомнил сон и почувствовал тепло ее ладоней на своих глазах. Сердце сделало нелепый сильный удар. Он заставил себя поставить сумку на пол.

"Это Павел. Врач".

Женщина поздоровалась. Павел сел, положил на стол завернутый в бумагу медный кружок. Ничего не спросил. Дал ей возможность заговорить первой.

Она этого не сделала.

"Он помнит жену", сказал Андрей. "Как ее звали, как она выглядела. У него сохранилась подпись в письме".

Павел повернул голову к нему, но промолчал. Врач не разрешал рассказывать о жене. Андрей замолчал, наткнувшись на его взгляд. Только утром он просил разрешения посмотреть подпись, а теперь сам распоряжался чужой тайной. Придется извиниться. Не перед всеми, потом.

Наталья опустила глаза на кружок.

"Он участвовал в семейной программе? Пил воду на первой встрече?"

"Нет".

"Тогда он не связан".

Илья перестал мешать суп.

Женщина заметила это и посмотрела на Андрея. Не попросила выгнать ученика. В ее молчании было что-то похожее на вопрос, и он покачал головой.

"При нем тоже можно".

Наталья кивнула.

"Программа выросла из старого обряда. То, что хранится под башней, связано с именами участников. Родители могли включить детей. Вашу мать убедили, что она оставляет вам защиту".

"Защиту от чего?" спросил Павел.

"От одиночества, от беды. Так это теперь называют. Бесплатная помощь, оплата похорон, возможность сохранить близкого рядом. Вы видели их сайт".

"А на что соглашаются на самом деле?"

Наталья потерла белый шрам у основания пальца.

"Отдать архиву часть памяти о мертвых. Сам обряд старше фонда. Меняют названия, согласия на бумаге, а в комнате все так же называют имя и отвечают да. Закон это не делает правильным. Я говорю о том, что связывает людей на самом деле".

Андрей вспомнил материнскую записку. Впервые за все утро его злость обрела направление.

"Я продолжаю жить тринадцать лет без ее лица. Мне это совершенно не помогает".

"Знаю".

"Откуда вам знать?"

Наталья посмотрела на него. Взгляд был такой открытый, что он первым отвел глаза.

Павел развернул медный кружок.

"В отверстиях смесь золы и смолы. Воск тоже есть, но его мало. А это, кажется, след от проволоки. Можно было подвесить к чему-то небольшому".

"К слепку", сказала Наталья.

Андрей обернулся на ящик.

"Маску я снимал вчера. Как он мог оказаться во рту раньше, чем появилась маска?"

"Слепков было два".

Илья тихо поставил ложку на кухонную подставку.

"С живого снимали?"

"Да".

Прижизненные слепки он делал. Владелец кафе хотел медальон жены, человек из строительной компании бюст для большого кабинета. С живыми было труднее: чесались, чихали, разговаривали, пока сох гипс. Илья все чаще предлагал сначала делать цифровую модель. Но ни гипсовая форма, ни файл до этих дней не показывали Андрею чужую жизнь. В архиве добавляли что-то еще.

"Он не утонул", сказал Андрей.

Наталья не стала спорить.

"Где второй слепок?"

"Я надеялась, что вы мне скажете".

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять.

"Вы пришли за этим? Чтобы я увидел, куда он его спрятал?"

"В том числе".

"Очень удобная у меня голова. Можно ставить на полку рядом с инструментами".

Она вздрогнула. Не от громкости, он говорил тихо, а от самих слов. Павел поднялся и подошел к обогревателю, словно проверял, не убежал ли суп. На самом деле давал им возможность не смотреть друг на друга через свидетеля.

Андрей достал старый обломок, положил перед Натальей.

"Я видел ваше кресло".

"Какое?"

"Новое. В доме, где вы переставляли мебель. Стол у окна. Мужчина, которому вы закрыли глаза, хотел поцеловать вас в ладонь. Он успел?"

Наталья прикрыла рот рукой.

Ответа не понадобилось.

Андрей впервые за время их знакомства увидел ее без всякой защиты. Она не пыталась казаться спокойной. Смотрела на обломок маски, и у нее дрожало нижнее веко. Он почувствовал к ней жалость, живую и почти болезненную, но не подошел. Он заметил, как прядь прилипла к ее губам, и едва удержался, чтобы не убрать ее. Этого еще не хватало. Она принесла чужую жизнь в коробке, а он уже готов помогать ей просто потому, что у нее дрожат ресницы.

"Это ваше воспоминание?" спросил он.

"Его".

"Алексея?"

Она кивнула.

"Значит, во сне я был им".

"Вы видели то, что он видел. Это не совсем одно и то же".

Павел обернулся.

"Наконец-то хоть кто-то произнес это вслух".

Андрей посмотрел на врача. Тот стоял возле Ильи, держа полотенце, и выглядел так обыденно, что вся нелепость происходящего стала еще отчетливее. Четыре человека в комнате обсуждали возможность видеть чужую жизнь, а суп между тем действительно начинал пригорать.

"Мне нужно поговорить с вами отдельно", сказала Наталья.

Илья вскинул голову, но Андрей попросил его отнести Марии ключ и проверить, прочла ли она утреннее сообщение. Павел ушел в заднюю комнату сверить снимки с присланным документом. Тела здесь уже не было. Перед уходом врач помедлил, посмотрел на Андрея, спрашивая без слов, оставить ли их вдвоем.

"Я буду за дверью", сказал он Андрею.

Наталья дождалась, когда они останутся вдвоем.

"То, что вы сейчас чувствуете, может казаться воспоминанием о собственной жизни".

"Вы уже сказали".

"Но вы вправе не соглашаться с тем, что чувствовал он".

Андрей смотрел на нее с изумлением. Из всех слов, которых он ждал, этих не было даже среди самых невероятных.

"Вы пришли мне это объяснить?"

"Надо было сказать раньше".

"Заодно сказали бы, почему вы на той маске молодая".

На обломке, конечно, было лицо умершего. Наталью Андрей видел во сне. Он сам заметил ошибку, но поправляться не стал: важнее было услышать ответ. Она поняла, о чем он спрашивает.

"Потому что я не старею", ответила она.

За дверью стукнула посуда. Павел что-то сказал вполголоса, но Андрей не расслышал.

"Сколько вам лет?"

Наталья посмотрела на чашку.

"Сто шестьдесят восемь".

Он засмеялся. Один раз, коротко. Ему не было весело. Просто тело нашло единственный способ справиться с тем, что прозвучало.

"А мне?"

Она подняла голову.

"В этой жизни двадцать девять".

Андрей встал. Табурет ударился о край стола. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы отойти к окну. Водосток все еще протекал, и с козырька падали тяжелые капли. Он смотрел на них, считал. Семь, восемь. На девятой потерял счет.

"Не говорите так".

"Как?"

"Будто вы знаете меня целиком. Сразу. Будто я уже успел побывать кем угодно, а сейчас просто забыл вернуться домой".

Наталья молчала.

Он повернулся. Она сидела прямо, сцепив руки, и на этот раз не пыталась приблизиться.

"Докажите", сказал Андрей.

Она кивнула. Не обрадовалась. Даже не облегченно вздохнула. Словно знала, что именно с этой просьбы все станет значительно труднее.

"На Ольховой улице есть дом. Третий от старой лестницы. Зеленые ставни".

"Там давно никто не живет".

"Я открою".

Они вышли вместе. Павел задержал Андрея у двери, тихо спросил, уверен ли он. Андрей ответил честно, что не уверен ни в чем, кроме желания самому увидеть этот дом.

До Ольховой улицы шли пешком. Навигатор предлагал пройти двором, но Наталья не смотрела в телефон. Она знала поворот к старой лестнице, знала, где в дождь проваливается асфальт. Андрей пропустил курьерский велосипед, догнал ее и поймал себя на том, что следит за ее шагами, как за знакомой дорогой.

Он шел следом и смотрел на мокрую прядь у ее воротника. Стоило Наталье обернуться, Андрей замечал ямку над ключицей, край уха, сбившееся дыхание. Она ему нравилась. Вот и все, здесь не о чем спорить с прошлой жизнью. Только откуда ему знать, сколько в этом желании его самого, а сколько навязал ночной сон?

Дом стоял между пустым складом и магазином электрики. Зеленые ставни сохранились, хотя на соседних домах давно поставили пластиковые окна. На крыльце темнел старый номер, рядом висел новый пластиковый. Наталья вынула обычный ключ, не доверяя ни коду, ни звонку. Подняла дверь за ручку и нажала плечом.

Андрей знал, что она сделает именно так.

Это было хуже любого сна.

Внутри пахло холодным кирпичом. Окна пропускали мало света, и он сперва не увидел комнаты, лишь почувствовал ее размеры. Оказалось, что от двери до печи ровно семь обычных шагов. Он сделал три и остановился.

"Вы бывали здесь?" спросила Наталья.

"Не знаю".

Она открыла ставни.

Свет лег на пустое место возле окна. Кресла не было. Стола тоже. Но на полу осталось четыре темных следа, куда не попадало солнце. На стене, в рост человека, виднелось пятно от когда-то висевшего зеркала.

Андрей подошел к старой печи.

В нижнем ряду кирпичей один был чуть короче соседних. Он присел и потянулся к нему прежде, чем понял, что делает. Пальцы сами нашли щель.

Кирпич не поддался.

Наталья смотрела на его руку.

"Не надо", сказала она.

Андрей обернулся.

"Почему?"

"Я хотела сперва показать другое".

Он встал. В ее голосе прозвучало то же, что вчера у Марии. Люди вокруг все время решали, в каком порядке ему положено узнавать собственную жизнь.

"У вас есть нож?"

"Андрей".

"Тупой. Чтобы поддеть".

Она могла бы отказать. Но вынула из кармана складной нож, раскрыла и подала рукоятью вперед.

Под кирпичом лежала металлическая коробка.

Ржавая, совсем небольшая. Андрей вытащил ее, сдул пыль и положил на подоконник. На крышке был выцарапан незамкнутый круг. Такой же, как на Натальиной печати.

Внутри оказалось детское оловянное колечко, обрывок ткани и письмо.

Андрей взял письмо. Бумага ломалась по сгибам. В углу сохранилось имя, бледное, но читаемое.

Алексей.

Он посмотрел на Наталью.

"Почему не исчезло?"

Она стояла у двери. Лицо ее побелело.

"Потому что его не отпустили".

Андрей развернул лист.

Письмо начиналось его собственными словами. Он узнал оборот прежде, чем успел прочесть.

"Если когда-нибудь я снова поверю, что она спасает меня, покажите мне, кого похоронили вместо".

Глава 6. Письмо без конца

Последнее слово обрывалось у самого края.

Бумага была разорвана. Кто-то отнял нижнюю половину листа аккуратно, почти по прямой. Остались начало письма, имя и короткая фраза, которая уже успела изменить все, что Андрей думал о женщине у двери.

Он перевернул лист. На обороте ничего не было.

"Кого похоронили вместо?" спросил он.

Наталья смотрела на коробку.

"Я не знаю, когда он это написал".

"Но вы знаете, о чем".

"Не все".

Андрей рассмеялся тем же коротким смехом, который теперь начинал ненавидеть.

"Это у вас очень удобный ответ".

Он протянул ей письмо. Наталья не взяла. У нее за спиной оставалась открытая дверь: двор, бочка, мокрый камень. До мостовой всего несколько шагов. Андрей посмотрел туда и подумал, как легко уйти сейчас. Отнести медь в администрацию, закончить чужой заказ, вечером поужинать с сестрой. Он даже повернулся, прежде чем вспомнил руки из сна.

Андрей знал, что не сделает этого.

Он положил письмо на подоконник.

"Расскажите хоть что-нибудь, что не придется вытаскивать из вас по слову".

Наталья прошла к столу, которого больше не было. На полпути спохватилась, остановилась. Впервые Андрей увидел, как память о прежней комнате мешает ей двигаться в настоящей.

"Алексей был ранен при пожаре. Плохо. Мы жили тогда недалеко от северного склада, и он полез внутрь за двумя мальчиками. Одного вынес. За вторым вернулся".

"И умер?"

"Еще нет. Врач сказал, что до утра не доживет".

Она говорила ровно. Только один раз подняла руку к горлу, словно воротник мешал глотать.

"Мне предложили помощь. Я согласилась".

"Борис?"

Наталья посмотрела на него.

"Человек, занимавший его место. Самого Бориса тогда еще не было в городе".

Значит, Борис не мог стоять возле той кровати. Андрей хотел спросить, сколько архивариусов сменилось за ее жизнь, и не спросил. Легче от ответа все равно не стало бы. На Борисово место всегда приходил следующий.

"А Алексей согласился?"

"Да".

"На что?"

"Стать хранителем чужих имен. Мне сказали, что это служба при архиве. Что он будет слышать воспоминания, которые остаются в масках. Что город за это поддержит его жизнь".

Андрей посмотрел на письмо.

"И поддержал".

"Он прожил еще девять лет".

Он представил девять лет обычной жизни. Завтраки, работу, простуды, злость на текущую крышу. Женщину, поправляющую воротник перед выходом. Девять лет, которых не было бы без решения, принятого за одну страшную ночь.

Такое решение трудно было осудить сразу. Еще труднее было не увидеть, что за ним стояло.

"Кому пришлось отдать эти годы?"

Наталья молчала.

"Вы ведь уже поняли, что я спрошу".

"Я поняла это раньше вас".

Он поднял глаза.

"Тогда ответьте".

Она присела на край низкого сундука у стены. Не тот, что был во сне. Этот был дешевый, из грубых досок, с веревочной ручкой. На нем лежал свернутый половик, будто кто-то собирался прибраться и не закончил.

"Я узнала цену после первого года".

"Кто?"

"Женщина из интерната. Ее звали Ульяна".

Андрей ждал продолжения. Наталья больше ничего не сказала.

Андрей смотрел на ее молодые руки. Сто шестьдесят восемь лет. После пожара прошло гораздо больше девяти. Если в первый год умерла Ульяна, то кто потом? Он положил письмо, чтобы Наталья не видела, как дрожит бумага у него в пальцах. Ответ на следующий вопрос ему уже не хотелось слышать.

"А потом?"

Наталья посмотрела в окно.

"Потом я пыталась прекратить".

"Пытались или прекратили?"

Она повернулась к нему.

Он никогда не видел такой неподвижности. Даже лица покойников менялись, когда их касался свет. Наталья будто держала себя изнутри, не позволяя двинуть ни одним мускулом.

"Нет", сказала она.

На этот раз Андрей услышал ответ целиком.

Он убрал письмо в карман.

"Пойдемте".

"Куда?"

"Обратно. Здесь мне нечего больше смотреть".

Наталья поднялась, но он остановил ее жестом.

"Ключ оставьте".

Она достала ключ и положила на подоконник. Не стала говорить, что дом принадлежит ей. Не стала объяснять, что он ничего не понимает.

От этого ему было еще тяжелее.

Они вышли порознь. Наталья заперла дверь, передала ключ Андрею и отошла к стене, пропуская его на улицу. Он взял холодное железо и ощутил вес, непропорциональный размеру вещи.

На обратном пути она держалась сзади. Он слышал ее шаги и не оборачивался.

У моста Андрей остановился. Под ним медленно двигалась вода, несла клочок соломы и обломанную ветку. На нижней пристани Мария спорила с каким-то толстяком, который пытался погрузить на лодку бочку, явно не намереваясь платить за нее отдельно.

Обычный день.

На пристани все еще торговались из-за бочки. Андрей стиснул перила: как можно кричать о лишней монете в такое утро? Тут Мария повернулась, подхватила тяжелый мешок, и он заметил ее мокрую спину. Она с рассвета на ногах. Ей некогда сидеть и думать о чужой беде, да и он ей ничего еще не рассказал.

"Я не знаю, кто я для вас", сказал он, не оборачиваясь. "Может быть, тот человек из сна. Может быть, еще кто-то. Но я не помню ни пожара, ни вашего согласия. Я не умею отвечать за него".

Наталья подошла ближе. Остановилась в нескольких шагах.

"Я не прошу".

"Вы с первой минуты спрашиваете так, будто ответ уже был. В другой жизни, в другом доме. А мне остается только вспомнить".

Она молчала.

Андрей повернулся.

Он ждал, что Наталья напомнит о спасенных девяти годах, потребует благодарности. Тогда можно было бы рассердиться, сказать ей все и уйти. Она молчала. Прятала красные от холода пальцы в рукава, с трудом выговаривала ответы. Андрей вдруг понял: она готовилась к этому разговору много лет и все равно надеялась, что он не спросит.

"Я хочу знать все", сказал он. "Не сегодня сразу, если это невозможно. Но вы перестанете выбирать за меня, что мне можно услышать".

Она кивнула.

Он не стал принимать кивок за обещание, которому уже можно верить.

Павел ждал у стола с телефоном. Тела в мастерской уже не было: возврат зафиксировали еще накануне. Он открыл присланные снимки и копию первичного осмотра одежды. Андрей снял мокрую куртку. На экране увеличилась правая сторона воротника.

"Предварительно допускают тонкий трехгранный предмет. Окончательного заключения еще нет. Я могу сказать только, что такое повреждение нельзя объяснить одним словом утонул. Попросили прислать исходники, я прислал".

Андрей снял пальто.

"Ты нашел что-нибудь еще?"

Павел увеличил манжету на фотографии. Рядом лежала распечатка. Эти снимки сделали при осмотре одежды после его обращения. У внутреннего шва заметили утолщение, проверили и нашли бумагу.

Нитки в шве были светлее остальных. Кто-то зашил его наспех. Сам лист остался у специалистов, им прислали изображение и попросили сказать, узнают ли запись. Андрей притянул телефон ближе. Теперь не надо было резать чужую одежду и потом доказывать, что ничего не подложил.

На втором снимке лежала узкая полоска бумаги, расправленная на темной подложке.

Наталья, вошедшая следом, остановилась возле обогревателя.

Андрей не посмотрел на нее.

На полоске было написано: "Дом четырнадцать, шестой ряд. Не могила. Не копать".

Больше ничего. Ни подписи, ни имени, которое могло бы исчезнуть через девять дней.

Павел прочел через плечо.

"Дом на кладбище?"

"Семейный склеп", сказал Андрей. "Их считают домами".

Он был там несколько раз. Шестой ряд лежал за старой оградой, в низине, где весной долго стояла вода. Новых могил там давно не делали.

"Номер может быть в книге смотрителя", добавил он.

Наталья подошла к столу.

"Я пойду с вами".

Андрей хотел отказать. У него было достаточно причин, и все они казались правильными. Но еще было понимание, что он только что потребовал правды и теперь собирается уйти от единственного человека, который хотя бы часть ее знает.

"Павел тоже пойдет".

"Я сам хотел это предложить", сказал врач.

До вечера оставалось несколько часов. Павел отправил дополнительное пояснение по найденной записке, Андрей сохранил исходные файлы еще на одном носителе. Илья зарядил два фонаря и отнес Марии ключ. Маску Сергея упаковали так, чтобы медь не касалась кожи.

"Телефоны не выключайте", сказал Павел. "Если меня не будет слышно, не исчезайте молча. Пишите хотя бы адрес".

"Ты с ней останешься", сказал Андрей.

Ученик открыл рот.

"Не потому, что маленький. Мне нужен кто-то здесь, кто знает, что забрали и куда мы пошли".

Илья кивнул и сам проверил, крепко ли закрыт ящик с формами. Маску Сергея они решили взять с собой.

Все это звучало разумно. Впервые за сутки у Андрея появилось ощущение, что он что-то решает.

Потом он вспомнил первую строку письма.

"Если когда-нибудь я снова поверю".

Он достал обрывок и положил перед Натальей.

"Кто оторвал конец?"

Она посмотрела, но не прикоснулась.

"Не я".

"Откуда мне знать?"

Наталья медленно сняла с шеи цепочку. На ней висел узкий продолговатый футляр. Два маленьких шарнира потемнели от времени. Она нажала на крышку, достала несколько сложенных кусочков и расправила на столе.

Бумага была такая же.

Наталья положила их рядом с обрывком Андрея. Края почти сошлись. Не хватало полоски шириной в палец.

На нижней части сохранялись две строки.

"Я сам попросил ее не отпускать. Но просьба, которую однажды произнес умирающий человек, не может навеки стать приказом для живых".

Наталья отняла руки.

"Я хранила то, что осталось. Середину забрал архив".

Андрей долго смотрел на соединенное письмо.

Человек, написавший его, мог оказаться им самим. Мог оказаться просто мертвецом, через которого его учат любить чужую жену. Ни один из вариантов больше не казался легче другого.

Он поднял глаза на Наталью.

"Больше никаких обломков вместо ответов".

Она кивнула.

Павел принес чистый лист и велел каждому записать, что именно он прочел. Раздельно, не заглядывая друг к другу.

"Зачем?" спросила Наталья.

Врач посмотрел на нее спокойно.

"Потому что я уже понял, как здесь обращаются с памятью".

Глава 7. Дом четырнадцать

Степан не пустил их на кладбище.

Он стоял возле боковой калитки с метлой в руке и повторял, что после пятого часа через старую ограду ходить запрещено. Андрей знал его двенадцать лет и впервые слышал об этом запрете.

"Мне не на похороны", сказал он. "Нужна одна запись".

"Записи завтра".

"Номер склепа посмотреть".

"Завтра".

Павел застегнул воротник. За кладбищенской стеной ветер дул сильнее, чем возле домов, и короткие волосы врача уже встали дыбом. Он посмотрел на солнце, которое еще висело над башней.

"Степан, сейчас третий час".

Смотритель переставил метлу.

"Старая ограда закрыта с полудня".

Степан смотрел Андрею прямо в глаза, слишком долго. Однажды он точно так же уверял вдову, что венки растрепала собака. Андрей тогда видел, как смотритель сам задел их тележкой, а потом собирал ленты под дождем. Если Степан начинал убеждать одним взглядом, следовало слушать внимательнее.

Тогда ложь была почти доброй. Сейчас Андрей не понимал, кого смотритель пытается защитить.

Наталья подошла последней. Пока мужчины разговаривали у калитки, она остановилась возле каменного столба и стряхивала грязь с подола. При ее виде Степан опустил метлу.

"И вы сюда?"

Она кивнула.

"К четырнадцатому дому?"

Андрей посмотрел на него.

Смотритель понял свою ошибку прежде, чем тот открыл рот.

"Видел, как вы бумажку читали", сказал он.

"Она у меня в кармане".

Степан отвернулся.

Возле его сапога из-под стены пробивалась тонкая трава. Смотритель старательно задел ее метлой, потом опустил черенок и вытер руку о штанину. Ветер трепал бороду, открывая темную полоску старого ожога на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.